

Детство сегодня: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Расширенный текст выступления на круглом столе «Детство как социокультурный феномен» 2 апреля 2010 года.

100

З

а последние десятилетия социальная ситуация детства¹ резко изменилась, об этом сегодня говорили многие участники круглого стола. Мне хочется привлечь внимание к еще одной грани этих изменений, а именно к тому, что крайне усложнилась социальная ситуация жизни ребенка, усложнилась прежде всего для него самого. В большинстве случаев детям сегодня стало жить и сложнее, и труднее, чем в советское время, когда сложились, с одной стороны, привыч-

ные для нас формы детской жизни и, с другой стороны, «эталонные» представления о детстве в психологии и педагогике. Современный ребенок сталкивается сегодня с такими задачами, с какими на протяжении человеческой истории дети еще не сталкивались, и которые были уделом взрослых, да и то не всех. И в человеческой культуре, и в системе образования в частности пока нет устоявшегося набора способов помощи юным людям в обретении способностей и умений, необходимых для решения тех задач, которые обрушивает на них современный мир. Поэтому перед нами, как психологами, встает совершенно новая задача – задача конструирования и опробования новых способов психологической и образовательной поддержки взросления, новых способов помощи детям

и подросткам в их становлении самостоятельными и личностно развитыми людьми. Но прежде чем говорить о том, каким образом и какими средствами мы можем эту задачу решать, я хочу остановиться на усложнении жизненной ситуации сегодняшних детей чуть более детально.

Усложнение жизненной ситуации современных детей и психологических задач, которые перед ними встают. Первое принципиальное усложнение состоит в том, что *ребенок сталкивается сегодня с воздействиями, на которые он не готов адекватно реагировать* и от которых раньше он был в значительной степени защищен. Прежде всего это эмоционально шокирующие воздействия, в частности, потоки жестокости, насилия и порнографии, которые идут с экранов телевизора, видео и компьютеров, а в ряде случаев пронизывают и повседневную жизнь детей, начиная едва ли не с первых классов школы.

Вторым принципиальным моментом, усложняющим социальную ситуацию развития современного ребенка, выступает *противоречивость и размытость ценностных координат в окружающем ребенка мире*. В прежние эпохи в детстве – будь то в дореволюционном или социалистическом – складывалась картина ценностно упорядоченного мира, где было ясно, «что такое хорошо и что такое плохо». И только позднее, в юности или молодости, взрос-

¹ Как и другие участники сегодняшнего круглого стола, я в этом выступлении понимаю термин «детство» в его наиболее широком смысле – как все периоды жизни человека до достижения социальной самостоятельности, то есть включая и подростковый, и юношеский возраст.

леющий человек мог сталкиваться с многочисленными этическими проблемами и осознавать, что мир не так справедлив, как его учили старшие. Но к этому времени он уже успевал духовно окрепнуть и приобрести силы, необходимые для того, чтобы справиться со своими трудными открытиями. И даже в ситуации тяжелого и обездоленного детства, в ситуации несправедливых обид ценностная система общества позволяла ребенку надеяться на восстановление справедливости в будущей жизни или в будущем мире. А вместе с этой надеждой он вбирал в себя представления о добре и зле и научался их различать. Сейчас же на ребенка уже в начальной школе (а иногда и раньше) обрушивается множество побудительных воздействий, которые тянут его в разные стороны и задают совершенно разные ценностные идеалы, так что нередко он оказывается полностью дезориентирован в том, что «хорошо», а что «плохо». Например, родители и учителя могут учить его «разумному, доброму, вечному», а одновременно с этим телевизор и глянцево-журнальные картинки завораживают его увлекательными картинками «красивой жизни», а одноклассники убеждают, что лишь «слабаки», «ботаны» и «маленькие дети» не пьют водку, не пробовали «колеса» и не имеют в 14 лет сексуального опыта. В результате ребенок с детства оказывается в ситуации ценностной неопределенности и неразличимости «добра» и «зла», «хорошего» и «дурного», не имеет устойчивой моральной «точки опоры» ни для выработки своего отношения к тому, что он видит вокруг, ни для определения своих действий и жизненных целей.

Отсюда вытекает и третья чрезвычайно важная новая особенность нынешней ситуации детства – *необходимость самостоятельно принимать жизненно важные решения, начиная уже с младших классов школы*. В советское время большинство детей сталкивалось с задачей самостоятельного выбора лишь при окончании школы, то есть в самом конце детства в широком смысле этого слова. А на протяжении всех школьных лет семья, школа, книги и телевизор задавали юному человеку вполне согласованные рамки жизни, создававшие надежную «точку опоры», в том числе и для выражения подросткового протеста против действий или взглядов тех или иных конкретных представи-

телей мира взрослых. (Отметим, что до революции 1917 года «точка опоры» была совершенно иной, но тоже вполне определенной и устойчивой.) На нынешних же детей необходимость принятия решений, подчас необратимых, обрушивается гораздо раньше: например, когда более «опытные» товарищи по школе предлагают им «перестать быть детьми» и обратиться к алкоголю, наркотикам, сексу и т. п. Или когда в Интернете их активно зазывают на порнографические или экстремистские сайты, рассказывают, как сделать взрывчатку домашними средствами и побуждают отомстить «живому миру продажных взрослых», и так далее. И ребенок сам должен решать, что ему делать и чего не делать. Парадоксальность и опасность ситуации состоят в том, что решения, которые могут определить его судьбу, он должен принимать зачастую совершенно «вслепую», ничего не зная о том, куда может его завести сделанный им выбор, и не имея ни психологических средств, ни опыта, которые позволили бы ему сделать этот выбор осмысленно. Раньше общество его от этого защищало, теперь же прежние защиты уже не работают и вряд ли смогут «заработать» снова. Ибо процесс развития необратим и «новое вино» бессмысленно «вливать в старые мехи».

Таким образом, если раньше для большинства детей мир детства был ясным и понятным и, по большому счету, справедливым и осмысленным, то нынешних детей встречает мир неустойчивый и лишенный ценностной определенности, а зачастую и просто бессмысленный, абсурдный и безнадежный. И если, например, Владимир Набоков писал о детстве людей своего круга и своего поколения как о подаренном судьбою неразменном запасе счастья и источнике сил, помогающем справиться с трагедиями и мытарствами последующей взрослой жизни, то сейчас ситуация иная: детство перестало быть безоблачной и беззаботной порой жизни, создающей «запас счастья» даже для тех детей, которые живут во вполне нормальных семьях. Конечно, и раньше кому-то выпадало несчастное детство, но оно воспринималось как «злая судьба» и вопиющая несправедливость, как прискорбное отклонение от нормы, тогда как сегодня мы наблюдаем *исчезновение самой нормы «светлого детства»*.

об авторе

Е. Ю. Патяева, старший преподаватель кафедры психологии личности факультета психологии МГУ

Если мы, взрослые, не создадим и не укрепим систему поддержки детства, то мы будем получать поколения, в которых будет все больше и больше духовно искаленных людей. И тогда нам придется это констатировать, разводиться руками и увеличивать выпуск специалистов по «педагогике девиантного поведения» и «психологии отбывания наказания». Я с некоторым удивлением услышала сегодня слова о том, что наша страна имеет шансы лидировать в развитии детства. То, что я, как практикующий психолог и как родитель двоих заканчивающих школу детей, имею возможность наблюдать, говорит, скорее, о нашем отставании от ряда стран, деятельно откликнувшихся на кризис детства. И это отставание нарастает. Ведь с кризисом детства столкнулись не только мы, во многих странах уже создается и работает система поддержки детства, опробуются ее разные компоненты, исследуются возможности. Уже сейчас накоплен большой и интересный опыт, его нам надо осваивать, причем не только на уровне отдельных педагогов-энтузиастов или родителей-энтузиастов (которых много в нашей стране и которые не только осваивают мировой опыт, но и обогащают его), но и в масштабе системы воспитания и образования в целом.

Система поддержки детства: четыре стратегических направления. В разных странах сегодня создаются и опробуются различные компоненты той будущей целостной системы, которую можно назвать «системой поддержки детства» и которая должна включать всех взрослых, оказывающих существенное влияние на жизнь детей. Она должна охватывать, по меньшей мере, четыре больших направления: 1) родителей; 2) систему образования; 3) психологические службы и 4) то, что можно назвать системами формирования массового сознания, то есть СМИ и культурную политику.

Прежде всего, речь должна идти о *родителях*, поскольку, во-первых, они с ребенком живут с первых дней его жизни и определяют весь ход его развития и, во-вторых, они имеют возможность опосредовать все остальные влияния на ребенка, ограждая от одних, приобщая к другим и обучая осознанно относиться к третьим. Родители, как здесь уже сегодня говорилось, сейчас очень разные. Можно выделить, по меньшей мере, три группы родителей, и по отношению к каждой из них работа,

направленная на «поддержку детства», должна быть различной.

Одна группа – это те, кто понимает проблемы, с которыми сталкиваются их дети, и помогает их решать. Это те, кто любит своих детей и умеет находить общий язык с ними, те, кто готов прикладывать усилия, чтобы понять ребенка и помочь ему. Именно на них работают существующие психологические консультативные центры, именно они читают книги по воспитанию, организуют развивающую среду для своих детей, ищут хорошие школы, а иногда и помогают их организовать. Будь все родители такими, мы нуждались бы не в создании особой системы поддержки детства, а лишь в расширении тех форм работы, которые уже сложились. Но проблема в том, что таких родителей явное меньшинство.

Другая группа, гораздо более многочисленная, – это те, кто «хочет как лучше, а получается как всегда». Те, кто хотел бы помочь ребенку, но не знает, что надо делать, и, что еще важнее, не умеет помогать, ибо не может выйти за рамки своего собственного жизненного опыта, полученного в совершенно иное время. Им трудно понять своего ребенка и его жизнь. В прежние времена такие родители полагались на школу, однако сейчас, когда сложившаяся в советское время система школьного воспитания фактически распалась, они оказались не в состоянии этот распад компенсировать. Они недовольны происходящим, недовольны и школой, и своими детьми, но не представляют себе, что можно сделать. По сути, их недовольство выражает одновременно их заинтересованность в своих детях и ощущаемое ими бессилие. И для преобразования этого недовольства в конструктивную помощь своему ребенку существующих психологических консультаций и психолого-педагогических центров явно недостаточно. Здесь нужны специальные центры поддержки и обучения родителей, своего рода родительские университеты, причем принципиально бесплатные и общедоступные, и, кроме того, обладающие мощной информационной поддержкой на телевидении и радио, в Интернете и печати. Такие центры обучения родителей уже созданы во многих странах, и об этом, в частности, рассказывал сегодня Владимир Константинович Загвоздкин. Для нас же это все еще задача на будущее.

Наконец, третья большая группа родителей – это те, кому «не до детей», и кто никаких особых проблем не видит и видеть не хочет. Детям из таких семей больше всего не повезло, и они больше других нуждаются в развитии трех остальных компонентов системы поддержки детства: в рамках системы образования, психологических служб для детей и новых направлений информационной и культурной политики. Что касается их родителей, то очень часто они сами хронически находятся в состоянии психологического неблагополучия и нуждаются в помощи, однако эта проблема выходит далеко за рамки сегодняшнего обсуждения.

Второй мощный «центр влияния» на ребенка и, соответственно, второе стратегическое направление создания системы поддержки детства – это **система образования**. Давно известно, что до сих пор господствующая в школе классно-урочная система обучения обладает многими недостатками. В контексте усложнения задач детства главная ее слабость состоит в том, что она учит, прежде всего, выполнять задания, а не действовать самостоятельно. Во всем мире сегодня активно развиваются альтернативные формы обучения. Например, в англо-американском мире все шире распространяется *автономное образование*, которое дает очень интересные результаты именно в плане личностного развития юных людей, в плане развития их самостоятельности, осмысленного и ответственного отношения к своей жизни. Мы его не имеем просто по законодательным ограничениям. Здесь даже не нужны какие-то большие финансовые вложения, здесь надо просто перевести и издать имеющиеся наработки и разрешить заинтересованным родителям ими пользоваться. А дальше можно им просто помогать по мере необходимости и анализировать плюсы и минусы этой формы образования. Другим примером может служить интереснейшая система так называемого «*вероятностного образования*», созданная Александром Михайловичем Лобком в Екатеринбурге. По сути, это готовая альтернатива классно-урочной системе, позволяющая ребенку последовательно учиться жить в современном мире, со всей его неопределенностью, изменчивостью и хаотичностью. Кроме того, сейчас создаются многочисленные формы образования в рамках са-

мой школы, дающие возможность ребенку приобретать опыт самостоятельного действия во взрослом мире. Одним из ярких примеров этого выступает современное английское «школьное телевидение», когда проведенные школьниками интервью с политическими лидерами и парламентариями показывают не только по местным, но и по общенациональным и международным каналам. Чтобы понять реальные возможности этих и многих других альтернатив и дополнений к классно-урочной системе, их необходимо изучать и опробовать, а для этого их надо создавать в нашей собственной системе образования.

Третий необходимый компонент системы поддержки детства – это **психологические службы для детей**. Часто семья в основном занимается тем, что ребенка *обеспечивает*, школа – тем, что *учит*. Психологические же службы во многих странах, от Европы до Австралии, стали тем местом, где взрослые ребенка, прежде всего, понимают и могут эмоционально поддержать и помочь в решении тех проблем, с которыми он сталкивается. Местом, куда ребенок может прийти поговорить со взрослым «за жизнь» и оказаться услышанным. Из всего возможного многообразия психологических служб для детей мы сейчас имеем только кризисные службы, главным образом, детские телефоны доверия. Замечательно, что они есть и что их сеть потихоньку расширяется. Но этого крайне мало – ведь это то место, куда ребенок звонит в критической ситуации, в самом крайнем случае. И многие, кстати, потом радуются не только тому, что им помогли, но и тому, что их – иногда впервые в жизни – *выслушали и поняли*. Полноценная же система поддержки детства должна включать в себя не только кризисные службы, но и психологические центры клубного типа, куда ребенок может прийти «просто так», поговорить и посоветоваться со взрослыми, готовыми его понять. И, разумеется, такие службы должны быть бесплатными и независимыми от школы.

В англо-американском мире все шире распространяется автономное образование, которое дает очень интересные результаты именно в плане личностного развития юных людей, в плане осмысленного и ответственного отношения к своей жизни.

Наконец, еще один, четвертый компонент, вполне очевиден. Это *информационное пространство*, в которое погружен ребенок и которое сегодня у нас часто «дебилизирует» детей в самом буквальном смысле этого слова. Здесь необходимо, с одной стороны, создавать и делать доступными для всех хорошее детское кино, мультфильмы, передачи, информационные ресурсы, а с другой – фильмы и передачи, героями которых выступали бы родители, и информационные ресурсы для родителей. И, конечно же, необходимо ограничивать потоки рекламы, насилия и разнообразной теле-, видео- и компьютерной продукции, эмоционально травмирующей детей или вовлекающей их в бездумный транс и бессмысленное просиживание перед экраном.

Необходимы разные типы исследования детства: классические, мониторинговые, проектные. Последнее, на чем я хочу остановиться, – типы исследования детства, которые необходимы для того, чтобы получить возможность конструктивно справиться с кризисом детства, который постепенно углубляется, и выхода из него пока не видно. Мы сегодня много говорили о том, что сейчас в нашей стране детство очень мало исследуется, надо гораздо больше. Я полностью присоединяюсь к этому тезису и хочу добавить, что, планируя создание комплексной науки о детстве, нам надо с самого начала закладывать *исследования трех, весьма различных типов*.

Во-первых, это весь спектр классических исследований, направленных на описание, понимание и анализ того, что происходит с детьми, на развитие их возможностей и способностей, на компенсацию слабостей и помощь в решении всевозможных жизненных задач. Это могут быть и лонгитюдные исследования, и срезовые, и формирующие эксперименты, и многое другое. Общим для «классических» исследований выступает принятие социальной ситуации развития ребенка как независимой от исследователя переменной.

Во-вторых, это исследования *мониторинговые*, прицельно отслеживающие различные эффекты тех или иных социальных воздействий, вроде введения ЕГЭ, укрупнения школ, изменения показателей оценки работы учителей или сокращения объема бесплатного образования. Причем во внимание нужно принимать не только прямые результаты, но и самые разные эф-

фекты, которые принято называть побочными, но которые в долговременной перспективе могут оказаться намного более важными, чем любые «запланированные» результаты. Например, нужны исследования того, как влияет введение того же ЕГЭ на развитие интеллекта и познавательной мотивации детей, их эмоционального благополучия, самооценки, отношения к миру взрослых, к своей стране и т. д. Определяющей характеристикой этого типа исследований выступает массовое изменение социальной ситуации развития детей, но изменение, вводимое не исследователем, а государством, обществом или какими-либо социальными группами. К этой же группе можно отнести и исследования *прогностические*, направленные на анализ возможных последствий воздействий на социальную ситуацию развития до осуществления самого воздействия.

Наконец, третий тип должны составить исследования *проектные*, когда целенаправленно конструируются и создаются новые возможности жизни ребенка и анализируется, что они дают. Допустим, создается центр автономного образования, или психологический центр поддержки и обучения родителей, или психолого-педагогический центр для детей, – и сразу же начинается анализ того, что там происходит и что получается. Например, чем отличаются дети, которые учатся автономно, от детей, которые учатся в школе, как меняются показатели эмоционального благополучия и уверенности в себе у детей, родители которых занимаются в психологическом центре поддержки, и т. д. Причем конструировать можно параллельно разные возможности и разные варианты и затем их сопоставлять.

В заключение подчеркну, что именно от нас, современных взрослых, зависит, будет ли нынешний кризис детства позитивно разрешен и смогут ли новые поколения детей справляться со все возрастающей сложностью жизни, или же кризис перерастет в антропологическую катастрофу вроде той, которую описывал в свое время Герберт Уэллс в «Машине времени». Тогда, как мы помним, человечество будущего разделилось на две отдельные касты или даже расы: утонченных и беззащитных бездельников-элоев и терроризирующих их, но одновременно и обеспечивающих их существование грубых и кровожадных трудяг-морлоков.